

Жизнь в осыпающемся мире

Олег Барабанов, Тимофей Бордачёв,
Ярослав Лисоволик, Фёдор Лукьянов,
Андрей Сушенцов, Иван Тимофеев

Этот текст и другие доклады можно
скачать на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/reports/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба,
если явно не указано иное.

ISBN 978-5-906757-82-1

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2018

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Об авторах

Олег Николаевич Барабанов

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», профессор РАН, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор политических наук

Тимофей Вячеславович Бордачёв

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», директор Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук

Ярослав Дмитриевич Лисоволик

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», член Экспертного совета при Правительстве РФ, член Бреттон-Вудского комитета, доктор экономических наук

Фёдор Александрович Лукьянов

Руководитель авторского коллектива, директор по научной работе Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Андрей Андреевич Сушенцов

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», руководитель аналитического агентства «Внешняя политика», доцент кафедры прикладного анализа международных проблем Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат политических наук

Иван Николаевич Тимофеев

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», директор программ Российского совета по международным делам, кандидат политических наук

Содержание

- 5 Почему не получилось управлять
- 7 Почему прошлые подходы не сработают
- 11 Опасная «привычка к миру»
- 15 Это опасное
«всеобщее достояние»
- 18 В центре внимания — ООН

Война наконец кончилась, последствия её были многообразны и бесчисленны, но над всем преобладало одно: разочарование. «У нашего поколения не осталось великих слов», – обращался Дэвид Герберт Лоуренс к современникам. Эмиль Верхарн говорил с болью о «человеке, которым я был». Он-то прекрасно знал смысл великих слов и идеалов, ушедших навсегда с 1914 годом.

Барбара Такман «Августовские пушки»

Сто лет назад, поздней осенью 1918 г., Европа ощущала тотальное опустошение. Как в прямом смысле – закончилась война, которая принесла Старому Свету беспрецедентные жертвы и разрушения. Так и в переносном – четырёхлетняя бойня потрясла государства и общества. Некоторые из них её просто не пережили в прежнем виде, а другие в оцепенении взирали на цену собственной победы.

Перефразируя высказывание, обретшее популярность почти столетие спустя, именно Первая мировая война стала крупнейшей геополитической катастрофой XX века. Она стёрла с лица земли несколько империй, вызвала массовые, в том числе насильственные, переселения людей, дала импульс тоталитарным идеологиям, но так и не смогла разрешить противоречия, которые вновь взорвали мир через двадцать лет. Самое главное – эта война уничтожила прежний порядок, принципы, на которых предшествующие сто лет так или иначе строилась европейская (а в те поры она была почти синонимом мировой) политика.

Попытка держав-победительниц соорудить новую устойчивую модель мироустройства, предпринятая после завершения боевых действий, успехом не увенчалась. Мстительный триумфализм победителей, тяга побеждённых к реваншу, социальные катаклизмы в европейских державах, подъём новых игроков и сил создали предпосылки для ещё более кровопролитной мясорубки. И только к середине XX столетия удалось восстановить баланс, возникла система институтов, которые помогали снижать риски конфронтации и поддерживать мир.

Международная ситуация сегодня, с одной стороны, не имеет ничего общего с тем, что было в 1918 г. Человечество научилось избегать большой войны и связанных с ней кошмаров. Чудовищный опыт первой половины XX века ещё не изгладился из памяти. Историки, политики, экономисты часто апеллируют к нему, дабы не допустить повторения фатальных ошибок. Считается, что урок был выучен назубок.

**Развилка формирования
эффективно
функционирующего
международного порядка
на основе глобального
управления пройдена**

С другой стороны, состояние мирового порядка парадоксальным образом напоминает положение столетней давности. Подъём националистических чувств (сейчас они несут отпечаток антиглобализма) и возрождение агрессивных форм экономического поведения в духе неомеркантилизма заставляют вспомнить атмосферу в Европе и мире в начале прошлого века. Планета и тогда переживала всплеск глобальной торговли, что вело к обострению противоречий. А «стратегическая фривольность», о которой мы писали в прошлогоднем докладе, навеивает неприятные ассоциации с «лунатизмом», который, по выражению историка Кристофера Кларка, некогда довёл беспечных лидеров до мировой войны.

Но это скорее антураж, номинальное сходство обстоятельств. Более серьёзна другая параллель – сейчас, как и тогда, наступает период интерлюдии. Прежний порядок уже не существует. Нового нет и даже непонятно, каким ему быть.

В 1918 г. взорам ошарашенных наблюдателей представляли дымящиеся руины – и буквально, и фигурально. Сейчас картина иная – конструкция мирового здания стоит, но на глазах осыпается, превращаясь в деформирующийся каркас, остов некогда прочного строения. Оно было возведено после 1945 г., то есть по завершении второй фазы разрушения, начавшегося в августе 1914-го. Великие державы учли печальный опыт неудачной попытки обустройства мира между двумя мировыми войнами. Они сумели договориться о системе, которая препятствовала выходу противоречий из-под контроля. И именно эта модель переживает ныне глубокий кризис.

Проблемы функционирования той самой системы не оспариваются уже никем. Примечательна дискуссия о её природе. Принятый (хотя и подвергаемый некоторым сомнениям) подход на Западе заключается в том, что с 1945 г. мир и безопасность на планете обеспечивал «либеральный порядок, основанный на правилах», флагманом которого выступали Соединённые Штаты. Наличие до начала 1990-х гг. Советского Союза, который вовсе не разделял принципов «либерального порядка», подобная трактовка считает досадной aberrацией, помехой. И её исчезновение якобы только подтвердило правоту западного устройства, которое распространилось на весь земной шар.

Приверженцы школы реализма в международных отношениях видят секрет устойчивости второй половины XX века в наличии жёсткого и прочного баланса сил. Именно соперничество двух равновеликих «боссов», цементированное ядерным сдерживанием, обеспечило беспрецедентную для политической истории стабильность. Самоликвидация одной из сторон противостояния оставила вторую сторону с чувством одержанной победы. Но в одиночестве перед лицом мира, который, избавившись от «скрепы» сверхдержавной конфронтации, пробудился к действиям – самым разнообразным.

Впрочем, несмотря на разногласия относительно сущности миропорядка предыдущей эпохи, сторонники обеих версий согласны, что он шатается. И призывают восстановить дееспособность прежних институтов – будь то механизмы поддержания стабильности периода

холодной войны, чего желают неореалисты, или постулаты открытой глобальной системы конца XX–начала XXI века, как того хотели бы адепты неолиберализма.

В серии ежегодных докладов, которые Валдайский клуб выпускает с 2014 г., мы постоянно поднимали тему о необходимости восстановить глобальную управляемость. Под глобальным управлением мы понимаем рациональное, основанное на институтах сотрудничество государств, значимых для мировой политики и экономики, цель которого разрешение возникающих и накопившихся проблем. Этот доклад – пятый по счёту. И в нём приходится констатировать, что развилка формирования эффективно функционирующего международного порядка на основе глобального управления пройдена. Мир двинулся в ином направлении. Он соскользнул в эпоху односторонних решений – эта тенденция объективна, ею нельзя управлять, но необходимо понимать её последствия. В первую очередь для институтов и практик многостороннего взаимодействия – международных организаций, центральное место среди которых занимает ООН. Продукт, символ и опора той системы, создание которой 73 года назад знаменовало окончание почти 30-летнего периода мировых геополитических потрясений.

Почему не получилось управлять

Попытка осуществить управляемую трансформацию мира, предпринятая после холодной войны, либо оказалась недостаточно последовательной, либо, что более вероятно, была изначально обречена на неудачу. После 1991 г. странам Запада – США и их союзникам в Европе и Азии – представился уникальный шанс обеспечить относительную упорядоченность в мировых делах. Если бы верховный орган миропорядка – Совет Безопасности ООН, постоянные члены которого наделены большими правами, чем все остальные страны, – стал гомогенным в плане интересов и ценностей участников, политическая карта планеты выглядела бы иначе.

Однако расчёт на то, что возможна ценностная, идейно-политическая база, которая была бы принята всеми основными игроками, оказался утопией. Тем более не оправдалось предположение, что в её основу ляжет либеральный подход, восторжествовавший на некоторое время после холодной войны. Китай вышел на траекторию впечатляющего роста (экономического, а потом и политического), но его развитие, вопреки ожиданиям конца прошлого – начала текущего столетия, не привело к трансформации страны в направлении западной модели

Мир соскользнул в эпоху односторонних решений — эта тенденция объективна, ею нельзя управлять, но необходимо понимать её последствия

устройства общества и государства. Россия, казалось, была перспективным абитуриентом, но вскоре перестала соответствовать критериям «зачисления» и выбрала путь самообразования. Упорядоченности мирового развития добиться не удалось, а попытки стабилизации превратились в серию тактических мер, которые зачастую усугубляли проблемы, а не решали их.

В чём главная причина неудачи? Результатом любого системного конфликта, каковым и была холодная война, становится приспособление инструментов и институтов управления к интересам победителей. Это историческая норма. Но на рубеже XX–XXI веков она осталась недостижимой. Вероятно, потому что холодная война была необычным конфликтом. По её итогам возникло твёрдое неформальное представление о том, кто выиграл, а кто проиграл. Однако официально, в международно-правовом смысле, победителей не было. Других же методов установления мирового порядка, кроме «легитимный победитель получает всё», точнее – сам решает, кто на что имеет право, не придумано.

Политическая недосказанность, ставшая результатом необычного окончания противостояния второй половины XX века, сопровождалась торжеством экономической глобализации. К началу текущего столетия повседневностью для большинства жителей планеты стали многочисленные признаки «плоского мира» – стирание барьеров на рынках, универсальные и практически ничем не ограниченные банковские транзакции, массовая свобода передвижения, свобода международной торговли и мореплавания, доступные массовые коммуникации, прежде всего всемирная сеть интернет и многое другое. Разные страны по-разному встраивались в такой мир, однако в эпоху расцвета системы, которая пришла на середину первого десятилетия нашего века, она приносила выгоду почти всем.

Но в какой-то момент издержки начали расти. И чем более центральную и соответственно выгодную позицию страна занимала в глобальной системе, тем острее эти издержки воспринимались. Связаны они были прежде всего с неразрешённым противоречием между экономическим строем мира, полностью глобализованным, и политическим, в котором так и не сложились универсальные и эффективные механизмы глобального управления. А источник легитимности для политического класса любого государства остался на национальном уровне. В результате импульс к сворачиванию глобализации поступил из страны, которая выступала её основным промоутером и гарантом, – из Соединённых Штатов. А причиной стали растущее недовольство населения неравномерным распределением в обществе благ от глобализации и запрос на защиту от её последствий.

Почему прошлые подходы не сработают

Новые явления международной жизни: резкая политизация торговых войн, массовое применение всеми заметными игроками (с объявлением об этом или без) инструментов экономической войны (так называемые санкции), превращение информации в важнейший инструмент контроля и противостояния, миграционные потоки, регионализация – всё это оборотная сторона глобальной среды, которая возникла в предшествующий период. Точнее – следствие всеобщей и очень плотной взаимозависимости, которая прежде считалась залогом мира и процветания, но оказалась предпосылкой для нанесения друг другу болезненного ущерба.

Конечно, торговые войны вспыхивали и раньше, методы экономического давления применялись испокон веку. Скажем, те же США объявляли о мерах торгового ограничения Японии, но потом, исправив возникший перекос, возвращались к либеральной практике. Могут ли страны – основатели глобализации – заметно сократить издержки, которые они от неё несут, сохранив выгоды?

Исторически им это удавалось. Но сейчас изменился контекст. В мировой экономике и политике уже не два или три, а минимум пять ключевых игроков с разными представлениями о политической культуре. Из них два – почти полуторамиллиардные гиганты. Да и многие средние государства, защищая свои национальные интересы, вольно или невольно способствуют деформации привычных правил и практик. На это накладывается начало нового технологического рывка в таких областях, как информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, робототехника, новые материалы, что приведёт к скачку в производственной сфере (малолюдные производства), бизнес-моделях (бизнес без посредников) и социально-гуманитарной сфере (продление жизни с вытекающими из этого новыми параметрами обществ).

Государства становятся всё более эгоистичными, повёрнутыми к решению собственных проблем, которые обусловлены вызовами всё более запутанного мира. Число их растёт, как снежный ком. И в этом настроении напоминает то, что царило в период Великой депрессии. Но 90 лет назад мировая экономика и политика оставались относительно локализованы географически. Сегодня они всеобъемлющие. А чем шире совокупность интересов и конфликтов, тем труднее привести её в равновесие.

В мировой экономике и политике уже не два или три, а минимум пять ключевых игроков с разными представлениями о политической культуре

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ: ДЕФОРМАЦИЯ

На фоне затухающих темпов роста мировой экономики масштаб миграционных потоков не снижается, более того, он будет только нарастать. Если в 1990–2000 гг. темп роста не превышал 1,2%, то в следующем десятилетии этот показатель увеличился до 2,3%. А в 2014–2015 гг. он ускорился до 5%, что связано с наплывом в Европу беженцев из стран Ближнего Востока¹.

Европа является эпицентром напряжённости, связанной с проблемой миграции. По оценке Международной организации по миграции (МОМ), в 2015 г. всего в мире насчитывалось 244 млн мигрантов и треть из них приходилась на Европу. Почти три четверти мигрантов направляются всего лишь в пять стран ЕС – Германию, Великобританию, Францию, Испанию и Италию².

Нарастающая оппозиция по отношению к миграции в развитых странах, а также введение ограничений на миграционные потоки воспринимаются как признак разворота процесса глобализации вспять. К глобальным проблемам мировой экономики (продовольственной, экологической, энергетической) добавляется проблема международной миграции.

Можно выделить два ключевых фактора увеличения миграции по линии «Север – Юг»: разрыв в ВВП на душу населения между Европой и странами Северной Африки и Ближнего Востока, а также демографический разрыв между стареющим населением развитых стран и быстро растущим молодым населением развивающихся экономик. Заметного прогресса в области «догоняющего развития» странам Северной Африки и Ближнего Востока за последнее десятилетие показать не удалось. Темпы роста ВВП на душу населения в регионе достигали около 4% в докризисный период 2006–2007 гг., но в 2009–2012 гг. опустились ниже 2%. А в 2013–2014 гг. рост ВВП на душу населения стал ниже, чем в странах ЕС, то есть отставание стран Северной Африки и Ближнего Востока от Европы только увеличивается³.

¹ *International migration report 2015. United nations, p. 1.* <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015.pdf>

² *Global migration trends factsheet. IOM.* <http://gmdac.iom.int/global-migration-trends-factsheet>

³ *World Bank data.* <https://data.worldbank.org/indicator/>

В Европе почти четверть населения старше 60 лет, при этом медианный возраст составляет 42 года по сравнению с менее чем 30 годами для мировой экономики в целом и менее чем 20 годами в целом ряде стран Африки. При этом десять из десяти стран мира, испытывающих наибольшее сокращение населения, находятся в Европе, в то время как самые динамичные темпы роста наблюдаются в Африке и Азии (в том числе на Ближнем Востоке)⁴.

По прогнозам ООН, более половины прироста населения земного шара с 2015 по 2050 г. будет сконцентрировано в Африке — почти 1,3 млрд человек из общего прироста в 2,4 млрд⁵. По оценкам ООН, население в наиболее отсталых странах мира с 2015 по 2050 г. удвоится почти до 2 млрд человек, а к 2100 г. население 33 стран с низким уровнем дохода может увеличиться более чем в три раза⁶.

В результате ООН прогнозирует рост доли мигрантов в населении развитых стран. С 2015 по 2050 г. демографический прирост в развитых странах составит 20 млн человек, в то время как чистый приток мигрантов в развитые страны ожидается на уровне 91 млн — то есть 82% роста населения развитых стран придётся на миграцию. Для Европы цифры выглядят ещё более впечатляюще: с 2015 по 2050 г. демографическая убыль населения в Европе составит 63 млн человек, в то время как чистый миграционный приток ожидается на уровне 31 млн человек. В результате, по оценкам ООН, население Европы к 2050 г. снизится примерно на 32 млн человек⁷.

⁴ *World Population Prospects. The 2015 Revision. New York, United Nation, p. 8–9* https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/files/key_findings_wpp_2015.pdf

⁵ *World Population Prospects. The 2015 Revision. New York, United Nation, p. 3* https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/files/key_findings_wpp_2015.pdf

⁶ *World Population Prospects. The 2015 Revision. New York, United Nation, p. 4* https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/files/key_findings_wpp_2015.pdf

⁷ *World Population Prospects. The 2015 Revision. New York, United Nation, p. 6* https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/files/key_findings_wpp_2015.pdf

Есть, правда, и хорошая новость — ядерное сдерживание теперь распространяется не только на отношения сверхдержав, но фактически и на средние, а в случае Северной Кореи и малые государства. Вообще, несмотря на возрастающую международную напряжённость, никто не видит выхода из противоречий в большой войне. Проблем она создаст больше, чем решит (не говоря уже о риске тотальной ядерной катастрофы). В этом ключевое отличие нынешней ситуации от кануна Первой мировой войны, когда страны и народы считали войну способом разрешения кризиса.

Военное решение неэффективно и из-за размытости линии противостояния. Характерная черта противника — его множественность, расщеплённость. Зачастую он неочевиден или конъюнктурен. Уходят в прошлое жёсткие схемы «мы–они», принцип «каждый сам за себя» подразумевает не только «круговую оборону», но и возможность быстрой смены партнёров. А «чёрные лебеди», внезапные неспрогнозированные перемены, застают врасплох и равно затрагивают всех. Избрание президентом США Дональда Трампа, «да» на референдуме в Великобритании, «арабская весна» или кризис на Украине — неожиданные события громко акупаются всем, даже тем, кто непосредственно в них не вовлечён.

Статичная конструкция международных отношений остаётся в прошлом. Переменчивость, подвижность, ситуативность стали определяющими характеристиками мирового процесса. И в ряде случаев те, чья реакция быстрее и точнее, могут извлечь пользу из такой обстановки. Однако это краткосрочный выигрыш. Правительства во всём мире нуждаются в большей определённости.

Чем плоха неопределённость? Государства — это масштабные организации долгосрочного планирования. Многолетние бюджеты, программы технологического развития, стратегические проекты в инфраструктуре, транспорте, освоении космоса опираются на понимание ключевых международных тенденций. Определённость — необходимое условие планирования, но именно она стала главным дефицитом.

Три главные международные неопределённости препятствуют кристаллизации международной структуры.

Первая касается вопроса о равновесии сил в мире. Насколько изменчив баланс? Продолжится ли доминирование Запада? Приведёт ли возвышение Азии к её способности определять ход событий? Соединятся ли эти два полюса в единое целое? Или возникнет полицентричная система мирового международного порядка, о которой давно говорит российская дипломатия?

Более того, под вопросом само понятие «полярности» в международной системе, то есть её функционирования вокруг определённых

В этом ключевое отличие нынешней ситуации от кануна Первой мировой войны, когда страны и народы считали войну способом разрешения кризиса

Переменчивость, подвижность, ситуативность стали определяющими характеристиками мирового процесса

полюсов, центров силы. Сила беспрецедентно многосоставна и диффузна. Современная отечественная концепция (много)полярности сформировалась в 1990-х–начале 2000-х гг. под влиянием идей Евгения Примакова и его школы, которые закладывались и развивались на протяжении нескольких десятилетий. В свою очередь, российские идеи отталкивались от американских теоретических наработок 1960-х–1980-х гг. Иными словами, базовые идеи сформировались ещё до начала текущих тектонических изменений. Впрочем, то же можно сказать и о западных теориях либерального мирового порядка, которые также возникли в другой реальности. Общая проблема российского и американского (шире западного) подходов в том, что они описывают прошлое, но малопригодны для объяснения настоящего и будущего.

В предыдущих докладах мы склонялись к гипотезе о формировании в предстоящие годы некоей мягкой биполярности – баланса между американской и китайской сферами. Что подразумевало бы некоторую упорядоченность конструкции. И создало бы со структурной точки зрения относительно устойчивую среду, хотя и заставляющую игроков делать выбор в пользу одного из лагерей. Однако эволюция международной среды подводит к другой схеме, до сих пор находившейся на периферии дискуссии, – мир без полюсов: хаотичный и быстро меняющийся порядок, война всех против всех, идущая рука об руку с упадком привычных институтов (от национального государства с его суверенитетом до классического капитализма). Это сценарий острого кризиса, который ведёт не столько к новому балансу сил, сколько вообще к полной перезагрузке институтов, власти, способов производства и международных отношений.

Вторая ключевая неопределённость – надёжно ли обеспечена международная стабильность. Кто именно выступает главным ревизионистом: страна-соперник, страна-гегемон, стремящаяся укрепить свою гегемонию за счёт переустройства всей системы, или силы анархии? Может быть статус-кво ломают технологические новации или изменение климата?

Пока что мы являемся свидетелями необычного для международных отношений феномена. Глобальный гегемон (США) целенаправленно разрушает существующий порядок – то ли в силу желания управлять изменениями в свою пользу, то ли по причине явного или мнимого страха перед новыми центрами силы, то ли из-за серии сбоев в системе управления и порождаемых ими системных ошибок в принятии ключевых политических решений. А страна-соперник (КНР) тщетно пытается сохранить систему, инициатором которой выступал как раз гегемон.

Наконец, третья неопределённость – насколько состоятельны международные режимы. Так ли они надёжны как прежде? Кажется, история с каждым днём ускоряется. В последние годы резкие политические перемены, экономические кризисы, дезорганизация международной торговли, коллапс международных правовых систем только расширяют пространство неопределённости и спутывают карты при планировании.

Опасная «привычка к миру»

В результате множественной – «всех со всеми» – конкуренции ослабляется скрепляющий обруч международной стабильности. Конфликт, в том числе вооружённый, остаётся способом управления международными отношениями. Но этот конфликт носит сложный характер – асимметричный, нелинейный, отражающий огромное неравновесие государств в разных компонентах силы. Неопределённость выравнивает шансы.

Острое соперничество идёт за обладание передовыми технологиями и лидерством на рынках будущего. Масштаб инвестиций и повышенный интерес государственных регуляторов отмечен в следующих ключевых областях конкуренции, которые определяют международное положение в перспективе середины века:

- способ и скорость передачи данных,
- «огораживание» рынков путём государственного регулирования,
- ограничение доступа к данным пользователей,
- сужение доступа к финансовым рынкам,
- ускорение темпов цифровизации процессов,
- скорость внедрения алгоритмов искусственного интеллекта,
- повышение производительности труда и внедрение робототехники,
- синтез новых материалов и локализация производства,
- информационные манипуляции для управления политическим процессом.

В этих сферах конкуренция держав носит неявный, но особо острый характер. Пока страны не вошли здесь в открытое, признанное противоборство – по сути, идёт множественная борьба, которая нацелена на создание лучших условий для себя и приобретение преимущественных позиций на рынках будущего.

Но, если говорить о военном деле, министерства обороны ведущих стран мира по-прежнему готовятся к потенциальному конфликту будущего. Правда, меняется цель войны: от уничтожения вооружённых сил и средств производства противника до нейтрализации его современной цифровой инфраструктуры, ослепления и оглушения его цифровых сенсоров и систем управления. Задача – технологически отбросить противника обратно в XX век.

В актив такого положения вещей можно записать следующее: мы живём в более безопасном мире, чем сто или пятьдесят лет назад. Физическое уничтожение людей не является приоритетом

**Меняется цель войны:
от уничтожения
вооружённых сил
и средств производства
противника
до нейтрализации его
современной цифровой
инфраструктуры**

даже для профессиональных военных. Большая война становится невозможной или, по крайней мере, менее катастрофичной, чем та, которую мы знаем по XX веку. В мире сокращается количество конфликтов, выход из которых видят в войне. Хотя такие конфликты по-прежнему существуют – на Южном Кавказе, Ближнем Востоке и в Африке.

ТОРГОВЫЕ ДИСБАЛАНСЫ

Обеспокоенность в связи с глобальным замедлением экономического роста постепенно снижается начиная с 2017 г., по мере того как мировая экономика демонстрирует тенденцию на ускорение на фоне хороших показателей Австралии, США и Китая. Тем не менее многие наблюдатели справедливо указывают на фундаментальные проблемы глобальной экономики, лежащие в основе низких темпов роста прошлого десятилетия, в первую очередь высокую степень неравенства внутри стран и между странами.

Более того, это неравенство усугубляется растущим разрывом в уровне экономической интеграции стран, их участия в соглашениях о свободной торговле и других региональных торговых и инвестиционных альянсах. Дальше всех от процесса лихорадочного создания экономических союзов находятся именно наименее развитые страны и развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю. Отсюда парадокс, с которым продолжает сталкиваться глобальная экономика: большинство стран, наиболее нуждающихся в экономической интеграции, являются наиболее обделёнными с точки зрения участия в региональных и глобальных экономических союзах и «клубах».

Чтобы оценить «неравенство в интеграции» достаточно сравнить среднее число соглашений об интеграции неблагополучных стран (не имеющих выхода к морю и стран с низким доходом на душу населения) и развитых экономик. Итак, посмотрим на цифры. При сопоставлении показателей наименее развитых стран и развитых экономик (согласно определению Всемирного банка) различие оказывается впечатляющим – среднее число зон свободной торговли для наименее развитых стран – 0,3 соглашения, тогда как для наиболее развитых стран – 14,7 (разница более чем в 40 раз).

С учётом других видов интеграционных соглашений, соответствующие показатели составляют 1,6 и 16,8 соответственно, то есть более чем 10-кратный разрыв между двумя группами¹.

Ещё один способ оценки неравенства в уровне экономической интеграции – членство в ВТО. Из числа 21 стран-наблюдателей, которые всё ещё находятся за пределами организации, треть составляют страны, не имеющие выхода к морю, включая Сербию и Беларусь в Европе (последняя является крупнейшей европейской экономикой, не имеющей выхода к морю), Узбекистан в Азии (единственная страна, отделённая от морского побережья территориями нескольких стран) и Эфиопия в Африке (самая многонаселённая страна, не имеющая выхода к морю). Пять лет назад не имеющих выхода к морю стран среди экономик, остающихся вне рамок ВТО, было существенно больше. Среди стран-наблюдателей ВТО на них приходилось почти 40%, что сопоставимо с их 20-процентной долей в мировой экономике².

В целях сокращения разрыва между богатыми и менее богатыми странами необходим другой подход к экономической интеграции, предусматривающий обеспечение устойчивости и баланса между странами. Новая парадигма должна строиться на новых интеграционных механизмах, в большей степени ориентированных на развитие связей, которые являются приоритетом для развивающихся стран.

¹ Ярослав Лисоволик. Парадоксы интеграции. Ведомости, 2017 год. <https://www.vedomosti.ru/partner/characters/2017/10/30/739889-paradoksi-integratsii>

² Ярослав Лисоволик. О парадоксе глобальной экономической интеграции. Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2017 год. <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/o-paradokse-integratsii/>

Вокруг нас мир избытка, а не недостатка, и технологическое развитие обещает, что он будет процветать. Кроме того, взаимозависимость сажает всех в одну лодку и делает заинтересованными в поступательном развитии мировой экономики, сохранении глобальной стабильности. Когда замедляются темпы роста ключевых экономик мира, это ощущает на себе вся мировая экономика.

В пассиве – оборотная сторона. Страхочная сетка экономического развития и технологических инноваций создаёт у государств ложное ощущение безопасности, которое позволяет им больше экспериментировать и тестировать её на прочность. Технологии создают новое пространство для таких экспериментов и одновременно риск опоздать с развитием, оказаться проигравшим, что ещё более подстёгивает азарт. Под предлогом нечестной конкуренции пересмотру подвергаются международные режимы, прежде всего торговые и ограничения вооружений. Вновь вошли в практику политические провокации.

Второй чертой является стремление к извращённой идеологизации международных процессов, что на практике выливается в мощные кампании по очернению и делегитимации партнёра, если отношения обостряются. В целом международные отношения смещаются в область всё менее обязательных взаимодействий. Все исходят из того, что мир надёжно обеспечен даже в условиях политического конфликта между странами. И поэтому можно позволить себе не общаться друг с другом и использовать троллинг как способ коммуникации.

Если ведущие страны мира достаточно прочны, чтобы выдерживать эти стресстесты, то во многих регионах, в том числе в поясе границ России, подобного рода эксперименты приводят к катастрофическим последствиям: разрушению государственности и расширению зоны хаоса и анархии.

Итак, неверие в возможность большой войны укрепляет «привычку к миру» и, как следствие, поощряет легкомысленное отношение к рискованным ситуациям. Но зато делает менее реальным повторение сценария первой половины прошлого века, когда мировая война стала способом разрубить гордиев узел непримиримых противоречий. Поэтому наш мир не обрушится, как это произошло с европейским миром в течение первой половины XX века. Он будет медленно, но верно осыпаться и деформироваться в любых своих важных для людей и государств проявлениях. Процесс затронет всех без исключения, потому что масштабы взаимозависимости сейчас несоизмеримо больше, чем когда-либо в истории человечества, а понятие «всеобщего достояния» (Global Commons) распространилось на сферы, которые раньше таковым не считались.

В целом международные отношения смещаются в область всё менее обязательных взаимодействий. Все исходят из того, что мир надёжно обеспечен даже в условиях политического конфликта между странами

Это опасное «всеобщее достояние»

Многостороннее соперничество крупных держав протекает в условиях их многослойной взаимозависимости. Её нити опутывают действия государств и ограничивают их. Теснее, чем когда-либо, государства взаимосвязаны в области глобальной безопасности; они заинтересованы в развитии международной торговли, в свободном доступе к финансированию, технологиям и природным ресурсам. Вызовы в сфере климата, здравоохранения и глобальных миграций влияют на всех. Наконец, только общими усилиями возможно освоение общих пространств, так называемого всеобщего достояния, необходимого для выживания человечества: Мирового океана, атмосферы, открытого космоса, Антарктиды и приполярных территорий, окружающей среды в целом. Информационная революция рубежа веков добавила ещё одно пространство — кибернетическое. Вообще, взаимосвязанность мира заставляет по-новому посмотреть на понятие «всеобщего достояния», к которому теперь относятся многие «нематериальные активы».

Значимость изменений в обществах породила социальное понимание всеобщего достояния как разделяемой всеми основы для гармоничного функционирования глобального общества. Пока такой основы нет. Напротив, растёт разнობой. И возникающие новые измерения «всеобщего достояния», которые, казалось бы, должны объединять и сплачивать, на деле несут в себе потенциал дальнейшего размежевания, фрагментации. Причём не привычного стратегического или геополитического характера, а гораздо более глубокого, затрагивающего социальные отношения внутри государств.

Отправной точкой стало отчуждение элиты от общества в ведущих странах мира. Экономический кризис на рубеже десятилетий легитимировал антисистемные настроения и способствовал снятию табу на протестные мысли у достаточно широких слоёв общества, не склонных к радикальным проявлениям (в духе левацких бунтарей-антиглобалистов конца 1990-х — 2000-х гг.), но готовых выражать недовольство на выборах. И это привело к неожиданному для старых элит, хотя и объяснимому электоральному успеху несистемных правых сил. Он стал результатом нарастающего как слева, так и справа ощущения дефицита демократии, кризиса и распада партийно-политического ландшафта, каким он сформировался в XX веке. Трансформация отношений общества и элит приобретает устойчивый и качественно иной характер и внутри Запада, и в глобальном масштабе. Вопрос о реальной

**Многостороннее
соперничество
крупных держав
протекает в условиях
их многослойной
взаимозависимости**

демократии как «всеобщем достоянии» (а не о ставшем привычным за многие десятилетия электоральном воспроизводстве элит в обществе потребления) становится ключевым для социально-политической динамики мира.

Катализатором недовольства масс стала проблема глобальной миграции. И дело не в том, насколько реальна угроза, которую несут переселенцы, важнее, что значительная часть обществ готова воспринимать её как более чем реальную. Кризис с наплывом мигрантов в Европейский союз подорвал идею европейской солидарности. Миграционная тема – одна из наиболее успешных предвыборных карт Дональда Трампа. Ксенофобский дискурс всё более открыто слышен в риторике несистемных правых сил, их электоральный успех доказывает востребованность такого рода установок у избирателей. «Стена Трампа», как и на глазах меняющаяся риторика в Европе, стала символом желания «золотого миллиарда» отгородиться от остального мира, актуализировала дискуссию о разрыве между Севером и Югом. Она поставила острый вопрос: должна ли солидарность с беженцами и переселенцами восприниматься в ценностном плане как часть глобальной этики и всеобщее достояние, или же мигранты – это угроза, и реагировать на неё нужно соответственно¹.

Если спроецировать в будущее проблему переселения масс людей, она встраивается в ещё более широкий идеологический контекст планетарного единства человеческого рода. Ключевым является постулат о праве всех на равный доступ к ресурсам (в рамках не только отдельной страны, но и мира в целом). На уровне общих заявлений никто с этим не спорит (императив глобальной этики), на деле ситуация много сложнее. В идеологии развивающегося мира, который, как считалось ещё недавно, смог извлечь немалую выгоду из глобализации, всё отчётливее снова звучит тема неокOLONиализма в его различных формах (экологической, демографической, образовательной, технологической и иных). Имеется в виду, что, когда развитые страны проводили свою индустриализацию, они не думали ни об экологии, ни об охране труда и без стеснения выкачивали ресурсы из колоний. Теперь же, ссылаясь на заботу о всеобщем достоянии, навязывают Глобальному Югу ограничения, фактически отказывая ему в праве на развитие.

По этой логике, глобальное право на равный доступ к ресурсам останется фикцией. И единственным способом для его реализации становится миграция. Ведь если каждый имеет право жить лучше (с чем по императиву глобальной этики никто не спорит), остаётся лишь один логический шаг до того, что каждый имеет право жить там, где лучше. То есть перемещаться в благополучные части мира, процветание

¹ В этом плане примечательно изменение самой логики подхода к миграционному вопросу, которая наблюдается в Италии, а с подачи её нового правительства и по всей Европе. До недавнего времени проблема приплывающих к побережью страны беженцев из Северной Африки обсуждалась в контексте прав человека и гуманитарного содействия. Теперь же официальный Рим заявляет о необходимости положить конец циничному криминальному бизнесу по торговле людьми, и именно поэтому отказывается принимать корабли с мигрантами. Одно и то же явление подаётся теперь с совершенно иной стороны.

которых становится достоянием не только её жителей, но и достоянием человечества, и каждый имеет право на свою долю. Такая глобальная социально-политическая тенденция бросает вызов суверенитету (и институту государства в целом) и может привести к принципиально новым типам конфликтов, отличным от традиционных геополитических споров.

Кризис с мигрантами, рост несистемных правых идей на Западе, современные процессы в исламском мире с разных сторон высветили ещё одну проблему глобальной социальной динамики – вопрос об идентичности. Формируется растущий вызов стереотипному восприятию глобализации как инструмента неизбежного стирания различий между людьми на планетарном уровне.

Антиглобалистское движение предыдущего десятилетия в целом не отказывалось от глобализационного подхода, обрушивая критику на деятельность корпораций и глобальных финансовых институтов, а не на принцип всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости. То есть оно выступало за глобализацию, но иную, альтернативную. Сейчас же вопрос о праве на собственную идентичность (религиозную, культурную, историческую, поведенческую), а также и гораздо более острый вопрос о праве на защиту своей идентичности на любых территориях (и «дома», и «в гостях») и при любых обстоятельствах звучат всё более отчётливо. Такая фрагментация глобальности быстро превращается в вопрос «кто лучше?». И, естественно, приводит к росту враждебности и экстремизма с обеих сторон.

Значимость изменений в обществах породила социальное понимание всеобщего достояния как разделяемой всеми основы для гармоничного функционирования глобального общества

Новые информационные технологии проблему лишь усугубляют. Вопреки клише о том, что социальные сети делают мир более открытым и демократичным, на деле наблюдается новый уровень групповой поляризации и даже трайбализации. Социальные сети фрагментируют общества на группы похожих друг на друга единомышленников, подстегивая их групповую солидарность и давая качественно новые возможности противопоставления «значимым другим».

В итоге, деконструкция мирового политического порядка сопровождается серьёзной деформацией социальных систем глобализации. Кристаллизующиеся сейчас новые противоречивые, а то и провокационные установки социального восприятия *Global Commons* становятся вызовом не только «старому порядку» отношений элит и общества в смысле *l'ancien régime*, но и традиционному восприятию суверенитета и институту государства в целом. Приведёт ли это к всплеску новых разноуровневых глобальных конфликтов (общества против элит, бедных против богатых, Юга против Севера и иных)? Этот риторический вопрос может дополнить картину «типичных» геополитических конфликтов в мире будущего после слома старого порядка.

В центре внимания — ООН

Мы присутствуем при осыпании мира, к которому привыкли. Тараном выступает не новый претендент (*ascending power*), а глобальный лидер. А если опорная страна сама ломает опору, остальным остаётся только присоединиться к этому процессу, дабы не оказаться «крайними».

Политические деятели, каждый на своём уровне и в своих масштабах, выступают в качестве агентов трансформации. Россия положила конец силовой монополии Запада, на смену которой постепенно идёт более волатильная ситуация в сфере соотношения сил. США могучим усилием преобразует систему отношений в мировой экономике и её отдельных секторах. Китай создаёт новые условия, осуществляя глобальную экономическую экспансию, инструментом которой является предложение другим государствам альтернативных источников развития. Германия фактически содействует деформации политической системы Европы, которая была раньше основана на принципе суверенного равенства. Индия своим возвышением перестраивает всю геополитику Азии, а за ней и мира. И так далее. Постепенно всё новые и новые государства будут корректировать привычные связи и практики. Через 20–30 лет всё будет совсем другим.

Это нельзя обратить вспять, но необходимо понять и проанализировать. Отдельные, даже весьма важные, составляющие предыдущих порядков сохраняются. Можно, например, административно ограничивать свободу передвижения, но нельзя вернуться к первой половине XX века, когда туризм был делом скучающих миллионеров или любопытствующих естествоиспытателей. Однако к середине столетия мир приобретёт новые характеристики, начало формированию которых положено сейчас. И сейчас экспертам и политикам пришло время отложить в сторону привычные догмы, внимательно изучать и прогнозировать то, к чему принимаемые решения приведут в каждом из известных нам аспектов международной жизни.

Важнейший процесс — национализация решений, которые окажут влияние на функционирование жизненных систем современного мира. Уже десятилетие назад, на волне мирового финансового кризиса, стало ясно, что центральным вызовом для международного порядка — способности государств рационально сотрудничать — является то, что проблемы стали глобальными, а ответы на них остаются национальными. Эта коллизия останется одним из определяющих факторов в международной политике, экономике, технологиях, обществе. Но если до недавнего времени считалось, что ответ кроется в совершенствовании элементов именно глобального управления, то сегодня дух времени толкает в противоположную сторону. Дополнительными стимулами для национализации решений становятся всё

большая диверсификация ведущих экономик и превращение других стран в их зону ресурсного освоения. Одновременно с повышением разнообразия политического мира его социальная картина будет становиться всё менее сбалансированной.

Государствам придётся и дальше по нарастающей принимать меры, отражающие их национальные интересы и направленные на то, чтобы сохранить максимальную автономию, свободу действий. Повторим, когда самая мощная и влиятельная страна мировой системы переходит на принцип, что «она прежде всего», у всех остальных не остаётся выбора, кроме как сделать то же самое применительно к себе. Но никакие подлинно автономные решения уже невозможны. Любое условно «автономное» действие важных для мировой экономики и политики держав ведёт к глобальным последствиям. Каждый следующий акт экономической войны стимулирует новый перекося, сдвигание тектонических плит современного устройства мира.

Логика внешнеполитических и внешнеэкономических решений будет всё более тактической, не направленной на формирование устойчивых союзов или региональных подсистем. Повышение относительного значения средних региональных держав, таких, как Иран, Турция, Пакистан, Саудовская Аравия и т.д., размывает стабильность союзов и отношений. Одновременно снижается значение стран, связанных жёсткими институциональными ограничителями. В первую очередь это испытывают на себе европейские государства, входящие в ЕС.

Осыпается нематериальная составляющая международных отношений. Пока в той части, где она была наименее естественна, — там, где некие универсальные ценности и нормы начинали вторгаться во внутреннюю жизнь государств, фактически ограничивать их суверенитет. При этом сильные державы свой суверенитет защитить в состоянии и последовательно это делают. Наиболее яркие примеры — Китай и США.

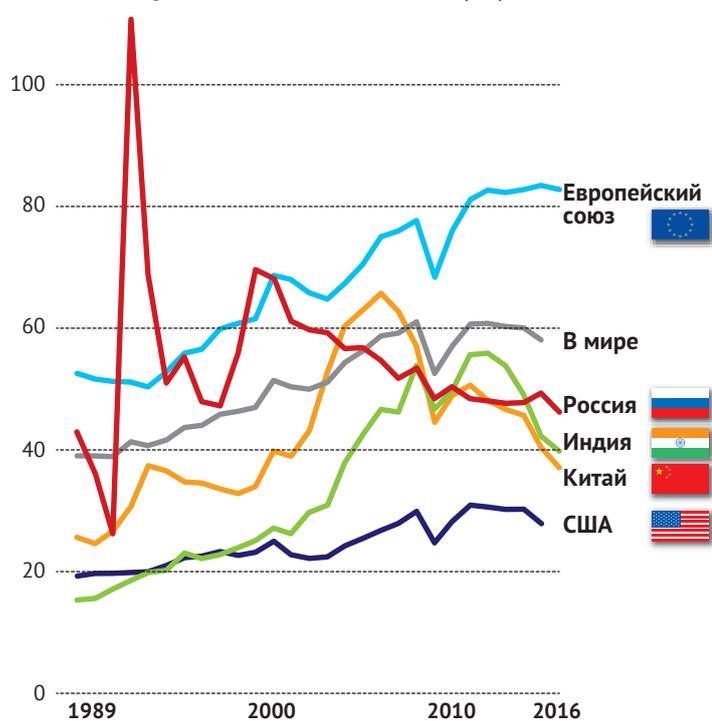
Потеряет смысл соревнование за то, чтобы оказаться «на правильной стороне истории» — чья политика больше востребована международным сообществом. «Правильной стороны» просто не будет. Точнее она будет всё время меняться. Важнейшей чертой возникающего мира станет отсутствие универсальных этических представлений о справедливости («правильности») устройства отдельных государств и легитимности их правителей. В той или иной форме эти универсальные представления были частью международного общения на протяжении 200 лет и поддерживались военным превосходством исповедующих эти ценности государств.

Однако к середине столетия мир приобретёт новые характеристики, начало формированию которых положено сейчас

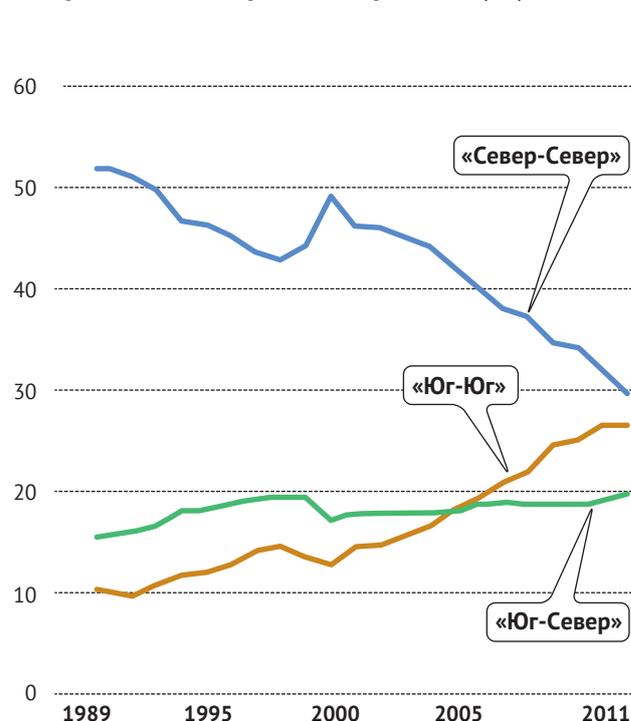
Проблемы стали глобальными, а ответы на них остаются национальными. Эта коллизия останется одним из определяющих факторов в международной политике, экономике, технологиях, обществе

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ

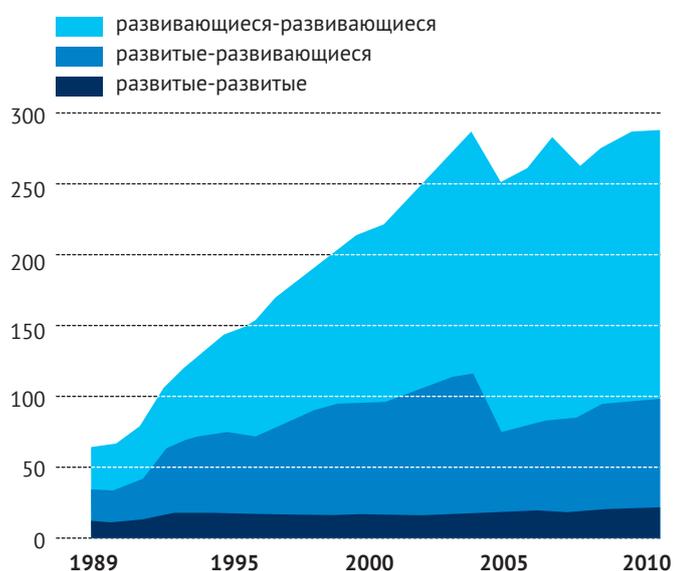
Объём торговли как доля ВВП (%)

Направления мировой торговли (%)

Число преференциальных торговых соглашений по группам стран

Соотношение объёмов роста международной торговли товарами с ростом мирового реального ВВП (%)

Они возникли после утверждения монархической легитимности вслед за разгромом наполеоновской Франции и её реинтеграции в число «нормальных» европейских держав на Венском конгрессе. На протяжении XIX века роль универсальной этики играл принцип взаимного признания ведущими державами легитимности режимов друг друга. После завершения «Второй тридцатилетней войны» 1914–1945 гг., в период холодной войны на смену этому принципу пришли конкурирующие этические системы марксизма и либерализма. Их носителями были военные сверхдержавы СССР и США, многократно превосходящие остальных в силовом плане.

В новом, крайне разнообразном мире утвердить даже претензию на общее для всех понимание того, что такое хорошо и что такое плохо для каждого отдельного государства, станет окончательно невозможно. Не случайно, что совместить понятие «этика» в его обычном понимании со словами и поступками политиков, приходящих к власти в последние годы, практически невозможно. Этичность окончательно перестаёт быть критерием политического решения.

До тех пор, пока это касается внутренней жизни государства, исчезновение претензий на подчинение её некой универсальной этике, возможно, даже на пользу. Этика не может быть универсальной и оторванной от культуры и традиции каждого отдельного общества. Однако она имеет важное значение в международном общении. Поэтому под угрозой международные институты – важнейшее достижение либеральной доктрины и вообще вершина политической истории человечества, покорённая в богатом потрясениями XX веке. Вероятно, предстоит наблюдать трансформацию ООН как универсальной площадки принятия важнейших решений. Фактический паралич Совета Безопасности по вопросам, которые затрагивают интересы его постоянных членов, сегодня превращает ООН в контур огромного здания, построенного в середине прошлого века, но лишённого эффективного управления.

В мировой политике эволюция Организации Объединённых Наций станет на ближайшие годы центральным процессом, за которым необходимо пристально следить. Ведущие державы всё больше сомневаются в том, что ООН способна гармонизировать их разнонаправленные интересы и служить органом мирового регулирования. В перспективе 15–30 лет, если процесс не повернётся вспять, ООН светит превратиться в совокупность функциональных агентств, призванных заниматься проблемами, с которыми сами государства возиться не хотят. Вообще, по мнению наиболее прозорливых коллег, международным институтам предстоит становиться всё более функционально ориентированными «сервисными компаниями» для государств.

**Государствам
придётся принимать
меры, направленные
на то, чтобы сохранить
максимальную
автономию, свободу
действий**

**Осыпается
нематериальная
составляющая
международных
отношений**

ДИСБАЛАНСЫ МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Мировая финансовая система изобилует дисбалансами, которые во многом остались неразрешёнными со времени кризиса 2008–2009 гг. Следует отметить прежде всего следующие ключевые факторы нестабильности мировых финансов:

- глобальные дисбалансы: соотношение высоких профицитов торгового баланса в Азии и дефицита в США — отчасти именно эти дисбалансы привели к торговым противоречиям в последние годы;
- парадокс Лукаса: указывает на преобладание инвестиций, идущих из развивающихся стран в развитый мир вопреки теоретическим моделям, предусматривающим обратный вектор для потока чистых внешних инвестиций;
- высокий уровень задолженности в крупнейших странах: государственный долг к ВВП в США превысил 100%, в Китае проблема долга частного сектора является одной из ключевых;
- нестабильность банковского сектора, особенно в Европе;
- усугубление волатильности и деструктивности потоков капитала;
- периодические «валютные войны» за счёт конкурентной девальвации валют.

Действительно, в последнее время мировая экономика всё чаще сталкивается с затруднениями в связи с тем, что некоторые страны часто прибегают к использованию гибкой валютной системы в целях конкурентной девальвации.

После пика финансового кризиса в 2008 г. политика количественного смягчения в США породила цепную реакцию, которая сопровождалась политикой количественного смягчения в других развитых и развивающихся странах. Падение рубля в странах СНГ вызвало волну количественного смягчения в странах «ближнего зарубежья». Беспокойство мировых финансовых рынков в этом году связано с тем, что снижение курса национальной валюты Китая может потенциально привести к конкурентной девальвации и в других субъектах мировой экономики.

Парадигма сотрудничества и взаимной экономической открытости в современной мировой экономике сместилась в сторону протекционизма, как уже было во времена Великой депрессии 1930-х годов. Но если в XX веке основным инструментом протекционизма служили торговые барьеры в виде высоких импортных пошлин, то теперь их дополняют меры конкурентной валютной девальвации. Модель взаимной девальвации сыграла свою роль в замедлении роста мировой экономики за счёт снижения спроса, что в результате привело к так называемому «новому нормальному», замедленному росту в течение длительного времени. На фоне появляющихся признаков корректировки валютных паритетов, МВФ призывает страны более тесно координировать финансовую политику, чтобы предотвратить нанесение ещё большего вреда торговле и инвестициям.

Другая проблема системы плавающих валютных курсов — рост волатильности на финансовых рынках и отсутствие надёжных инструментов. Высокий уровень волатильности курса валют может привести к значительным колебаниям потоков капитала (особенно в случаях, когда отсутствует долгосрочный капитал и доминирует спекулятивный капитал), а неопределённость на финансовых рынках может негативно сказаться на товарообороте и росте инвестиций. Кроме того, безудержное снижение валютного курса способно привести к скачку инфляции, которая в первую очередь бьёт по самым незащищённым слоям населения. Бедные в меньшей степени, чем зажиточные, способны адаптироваться к высокой волатильности валютного курса.

Как было при выходе из Великой депрессии, которая, в конце концов, привела к созданию Бреттон-Вудской системы, похоже, что современная мировая экономика всё больше стремится найти новую систему. Станет ли ей возрождение золотого стандарта, новая Бреттон-Вудская система или что-то иное, пока остаётся неясным. Однако вероятно, что посткризисное урегулирование будет характеризоваться изменением в системе мировых валютных курсов.

Сервису под силу многое. Но он не справится с самым главным, ради чего создавалась система ООН, — поддерживать мир и цивилизованные отношения сильных и слабых. Кроме того, по мере «скукоживания» на международном уровне самого понятия этики, будет сокращаться и количество вопросов, имеющих прежде всего этическое содержание. Судьба голодающих либо просто неблагополучных в Африке уже сейчас является проблемой не человечества, а национальной безопасности отдельных стран. И решаться будет соответствующим образом.

Функция ООН как инструмента глобального управления, как это предполагалось многими после холодной войны, вряд ли сможет реализоваться. Но в лице Совета Безопасности она сохранит центральную функцию международного института — предотвращение большой войны. Ведь, вопреки сформировавшейся «привычке к миру», вопрос недопущения прямого военного конфликта между великими державами вновь стал актуальным. Что заставляет быть предельно аккуратными с призывами менять процедуры, принятые в Совете Безопасности. Например, периодически возникающая идея отмены права вето, которое является главным инструментом избегания военных коллизий между постоянными членами СБ ООН.

Нельзя полностью исключить и радикальные сценарии. Например, такой, что к середине XXI века ООН в своём историческом качестве исчезнет, а на смену ей придёт совокупность неустойчивых региональных объединений по интересам. Они могут сложиться в первую очередь вокруг Китая и США. В меньшей степени — вокруг таких крупных мерцающих звезд, как Россия или Индия. Вряд ли такая конфигурация будет способна поддерживать существование единых для всех стран мира правил и этических норм межгосударственного общения и поэтому она окажется наиболее опасной — фактически вернёт международное сообщество на до-вестфальский уровень развития.

Сто лет назад, когда закончилась Первая мировая война, следствием неправильных вопросов, которыми задавались международные игроки, стали неправильные ответы, обошедшие человечеству за пределами дорого. Можно вспомнить и другую круглую дату — 400 лет назад, в 1618 г., совокупность культурно-религиозных, социальных, политических и технологических перемен породила клубок противоречий, ответом на который стала Тридцатилетняя война. В своём роде — первая из тех, которые можно назвать мировыми по масштабу жертв, потрясений и вызванных ими перемен.

Эволюция Организации Объединённых Наций станет на ближайшие годы центральным процессом, за которым необходимо пристально следить

Готовя этот доклад, авторы ставили перед собой вполне конкретную задачу: спровоцировать разговор о будущем мирового устройства, наметить наиболее важные с точки зрения авторов сферы, направления и калибра этих изменений. Как нам представляется, такой разговор сегодня крайне насыщен, поскольку рецептов и рекомендаций, как себя вести и что делать, сейчас нет ни у кого. Результаты исследования, отражённые в предыдущих валдайских докладах, приводят нас к выводу, что восстановить миропорядок, как он был создан после 1945 г., невозможно. Это ни в коем случае не означает, что осыпающееся здание следует немедленно снести (обычно это становится следствием большой войны), оно ещё способно выполнять ряд необходимых для всех функций. Но полноценной реставрации строение не подлежит, пока стоит просто избегать его окончательного обрушения. Маловероятно и построение нового порядка в разнообразном взаимосвязанном мире государств, которые не станут менее эгоистичными.

Мир, в котором будем жить мы и, главное, наши дети и внуки, начинается сегодня. Чтобы понять, каким он может стать, пора глубоко и непредвзято изучать, как будут меняться важные для государств и индивидуумов категории международных отношений. Такие понятия, как сила, мораль, справедливость, тысячелетиями структурировали отношения между социальными организациями наивысшего порядка – государствами. Каждое масштабное потрясение всеобщего охвата сопровождалось обращением политиков и учёных к этим категориям для их нового осмысления. Можно не сомневаться: в том мире, черты которого пока даже не просматриваются после неудачи в деле строительства нового порядка, эти три базовые категории займут подобающее им место в новой интерпретации. Но сейчас – снова время вопросов, а не ответов.

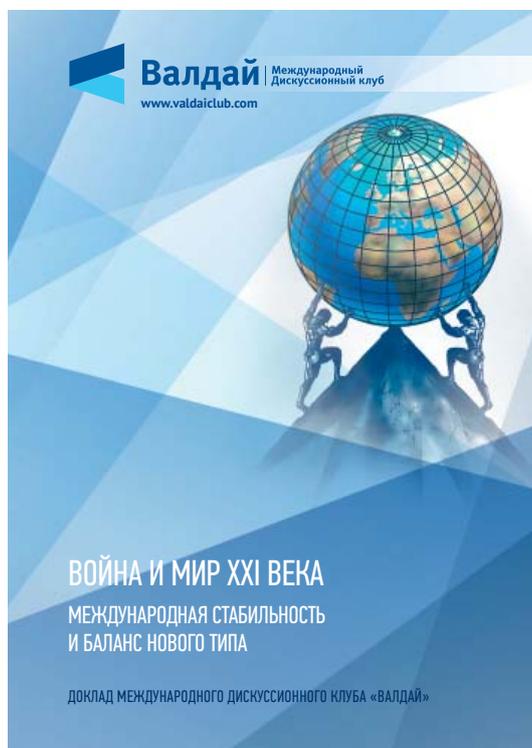
Эту серию докладов можно скачать на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/reports/>

<http://ru.valdaiclub.com/a/reports/kak-vazhno-byt-seryeznym/>

<http://ru.valdaiclub.com/a/reports/globalnyy-bunt-globalnyy-poryadok/>

<http://ru.valdaiclub.com/a/reports/voyna-i-mir-xxi-veka-mezhdunarodnaya-stabilnost-i-/>

<http://ru.valdaiclub.com/a/reports/novye-pravila-ili-igra-bez-pravil/>

 ValdaiClubRu

 ValdaiClubRu

 t.me/valdaiclub

 ValdaiClub

 valdaiclubcom

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ